

— Хэйцзы, не смей буйнить! — Хозяин собаки наконец догнал её, схватился за ошейник на шее волкодава и изо всех сил потянул назад. К сожалению, этот молодой человек лет двадцати был не намного мощнее Гэ Ци, а волкодав не желал, чтобы его уводили, и сопротивлялся хозяину, словно в перетягивании каната.

Наверху у дядюшки Чжоу дернулось правое веко, он случайно выглянул в окно и, увидев эту сцену, сердце едва не выскочило из горла. Обычно спокойный и сдержанный управляющий в панике вылетел из дома, бежал и молился:

— Сяо Гэ, ты обязательно должен удержаться, ни в коем случае не дай ему навредить!

Внизу хозяин собаки, боясь, что любимец ранит людей, в тревоге внезапно открыл второе дыхание и рывком заставил прыгающего волкодава споткнуться. Сяо Чэн волновался за Е Тао больше, чем хозяин собаки, стиснул зубы и, забыв о безопасности, бросился на волкодава. Этот прыжок был нешуточный, довольно могучий большой волкодав был придавлен Сяо Чэном и взвыл, едва не задохнувшись и не отправившись к Яме.

После всей этой суматохи волкодав в испуге спрятался за хозяина, укрощённый приёмом Сяо Чэна «тысяча цзуней падает». Хозяин с полными извинениями кланялся всем, боясь, что они пожалуются в управляющую компанию. В городе запрещено держать крупных собак, у его любимца не было собачьего удостоверения, и если бы другие стали настаивать на наказании, эту собаку здесь бы больше не держали.

Дядюшка Чжоу в панике прибежал, увидев, что Е Тао цел и невредим, сердце наконец вернулось на место.

Гэ Ци поправил очки на переносице, глядя на удаляющихся человека и собаку:

— Слишком опасно, к счастью, он не отпустил поводок.

— Если бы я не вмешался, он бы себе руку вывихнул, пришлось бы отпустить в любом случае, — Сяо Чэн отряхивал с себя собачью шерсть, сердито косясь на Баобао. — Вот нужно было тебя не выбирать, пусть бы собака тебя утащила и съела!

Баобао, повесив нос, жался в объятиях Е Тао, не издавая ни звука, душа его ещё не успокоилась.

После такого переполоха прогулка закончилась досрочно, все повернули назад. Только тут у дядюшки Чжоу появилось время ощутить бессилие после той бешеной скачки.

Увидев, что дядюшка Чжоу внезапно остановился, одной рукой опираясь на колено, другой придерживая бок, с нахмуренными бровями, Сяо Чэн поспешил поддержать его:

— Дядюшка Чжоу, что с вами? Сердце болит? Брат Гэ, посмотри скорее дядюшке Чжоу.

Дядюшка Чжоу покачал головой:

— Не сердце, просто когда бежал вниз, сбил дыхание.

Сяо Чэн изумился:

— Вы что, с тринадцатого этажа сбежали? Вы, вы уж больно бодры для своих лет!

Пятидесятидвухлетнему дядюшке Чжоу:

— ...

Гэ Ци надавил в районе пупка дядюшки Чжоу, тот от боли резко вдохнул. Гэ Ци мягко успокоил:

— Когда поднимемся наверх, я вам помассирую, дыхание выровняется — и всё пройдет.

Перед выходом из лифта всё время молчавший Е Тао вдруг сказал:

— Не говорите моему дяде, что собаку натравил Баобао.

Гэ Ци и Сяо Чэн посмотрели на дядюшку Чжоу.

— Слушаюсь, молодой хозяин, — дядюшка Чжоу чувствовал, что силы покинули его. Он знал, что если привезёт этого человека, то о покое можно забыть. Не ошибся, да? Ах! Его пятидесятидвухлетнее сердце!

Когда дядюшка Чжоу в пыли мчался вниз, Чжоу Цзыцянь и горничная тётя это видели. Дядюшке Чжоу пришлось сглаживать углы и в общих чертах объяснить. Узнав, что племянника чуть не укусила собака, Чжоу Цзыцянь сразу посмотрел на Баобао. У Баобао сердце ёкнуло, он сделал вид, что спокоен, и пошёл наверх, притворяясь котиком, который ничего не понимает.

Е Тао сказал:

— Это не его вина.

Взгляд, словно иглы, давивший на Баобао, наконец отодвинулся. Чжоу Цзыцянь здоровой рукой погладил волосы Е Тао, потрогал его щёчку, убедившись, что тот действительно невредим, и больше не стал разбираться.

К вечеру помощник Чжоу Цзыцяня принёс кучу документов. Чжоу Цзыцянь мог временно не ездить в компанию, но не мог бросать работу, даже если сейчас был одноруким воином.

Кто сидит на месте, тот и занимается делами, и Чжоу Цзыцянь не жаловался на то, что ему приходится работать во время выздоровления. Но его помощник принёс не только документы, но и незваного гостя, что вызвало некоторое недовольство.

Обычно, приезжая в гости в дом семьи Чжоу, независимо от причины, нужно было заранее предупредить, чтобы хозяева подготовились. Но Ань Чэнсюань считал, что с Чжоу Цзыцянем они близко знакомы и не стоит церемониться, получив весть, он сразу явился.

Ань Чэнсюань небрежно окинул взглядом обстановку в зале и с улыбкой сказал:

— Тот практикант, который «перебежал» к нам, ушёл уже почти три года назад, а ты до сих пор держишь этот дом? Что, прячешь здесь кого-то ещё? Осторожнее, не взрасти ещё кого-то, кто будет кусать кормящую руку.

Чжоу Цзыцянь спокойно ответил:

— У господина Аня хорошая память, я уже забыл об этом.

— Как же я могу забыть человека, которого переманил собственноручно? — Ань Чэнсюань улыбался, его красивые миндалевидные глаза естественно приподнимались к вискам, создавая впечатление, что в его многолюбии сквозит легкомыслие.

Лицо Чжоу Цзыцяня ничего не выражало, но внутри ему было неприятно, он очень не любил это выражение лица Ань Чэнсюаня. Капризность, эгоцентричность Ань Чэнсюаня и его своенравные перепады настроения были раздражающи. Именно сейчас он явился из заботы, но увидев этот дом и вспомнив старое, его ревость начала шалить, он потакал своему желанию устроить скандал. Казалось, что, неважно насколько уместны его слова и действия, вызывают ли они отвращение, другие должны безусловно это прощать, лишь потому, что в его сердце живёт маленький господин, который не хочет взрослеть.

Ань Чэнсюань взял поданный дядюшкой Чжоу чай, изящно пригубил, а поставив чашку, расстегнул одну пуговицу на рубашке:

— С отоплением здесь всё так же сухо, как и раньше.

На самом деле отопление уже отключили, но Е Тао зябкий, не переносит холода, поэтому включили кондиционер.

Услышав это, дядюшка Чжоу повернулся, чтобы открыть окна и проветрить, в зале остались только хозяин, гость и помощник, который привёл гостя.

Помощник Лю работал на Чжоу Цзыцяня уже почти четыре года, знал его характер и понимал, что тот недоволен тем, что он привёл человека сюда, но объяснить было невозможно. Ань Чэнсюань не мог найти Чжоу Цзыцяня и не мог с ним связаться, поэтому тайно последовал за ним.

Почувствовав тонкую атмосферу, помощник Лю немного посидел, оставил документы и распрощался. Дядюшка Чжоу вышел провожать гостя, а Баобао, которого насильно заперли в комнате, воспользовался моментом и выскользнул. Услышав, что внизу всё ещё чужой голос, Баобао из любопытства выглянул, и, увидев, что гость — Ань Чэнсюань, почувствовал тошноту.

Увидев, что Чжоу Цзыцянь начинает злиться, Ань Чэнсюань перестал провоцировать его разговорами о переманивании людей. Он послушно сменил тему, чтобы сгладить атмосферу, пересел рядом с Чжоу Цзыцянем, положил руку ему на плечо и осмотрел травмированную правую руку. Он искренне заботился, но поза была двусмысленной, особенно в глазах Баобао, который и так подозревал, что тот замышляет недоброе против Чжоу Цзыцяня.

Чжоу Цзыцянь только отстранил руку Ань Чэнсюаня, как Баобао с убийственным намерением бросился вниз и сразу дал Ань Чэнсюаню лапой по лицу: как смеешь приставать к моему дядюшке, заклюю!

Сила этой лапы была не такой, как когда он царапал Сяо Чэна. Сяо Чэн — свой, Баобао в большинстве случаев только угрожал лапой, а если и задевал, то берёт силы. Рука же Ань Чэнсюаня тут же увидела кровь.

— Откуда здесь дикий кот? — Ань Чэнсюань сжал поцарапанную руку, нахмурил брови, помимо раздражения почувствовав, что Баобао чем-то знаком. Чуть подумав, вспомнил ту единственную встречу на ипподроме и подумал: неудивительно, что такой противный, характер хозяина отражается.

Дядюшка Чжоу поспешил за аптечкой, одновременно крича, чтобы Баобао заперли. Сяо Чэн, помогавший тёте на кухне готовить ужин, грохочущими шагами выбежал, вытянул свою пухлую «лапу Лу Шаня» и ловил Баобао. Баобао, пользуясь маленьким и гибким телом, юрил в места, куда Сяо Чэн не мог дотянуться. Е Тао, услышав шум, спустился вниз и как раз увидел, как Сяо Чэн стоит на коленях под столом и пытается достать Баобао. Ещё раз глянув на

аптечку в руке дядюшки Чжоу и на сжатую раненую руку Ань Чэнсюаня, Е Тао понял, что Баобао, вероятно, снова натворил дел.

Е Тао подошёл к столу, присел, протянул две руки и дважды позвал Баобао. Тот ловко увернулся от Сяо Чэна и бросился в руки к Е Тао, был поднят им на руки.

Ань Чэнсюань знал, что Чжоу Цзыцянь сильно опекает племянника, и не хотел при нём задевать Е Тао, но, увидев, как тот бережно держит кота, который его поцарапал, злость поднялась сама собой. Кот был неприятен, ещё больше неприятен был Е Тао.

— Мистер, почему ваша кошка без причины атаковала меня? У неё не бешенство? — Ань Чэнсюань говорил с фальшивой улыбкой, в словах мягко, но с уколом, ирония и насмешка.

Баобао выпятил шейку и изо всех сил уставился на него: у тебя бешенство, лисья морда!

— Без причины? Тогда я извинюсь за него, — спокойно произнёс Е Тао, слегка кивнул Ань Чэнсюаню и, прижимая к себе Баобао, пошёл наверх.

Ань Чэнсюань был так подавлен, что даже фальшивая улыбка не удержалась на лице, красивое личико было покрыто тучами.

<http://bllate.org/book/17687/1650216>